

М. С. Киселева, А. В. Козачёк
Дальневосточный федеральный университет

ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ЛИСЫ В РУССКИХ СКАЗКАХ О ЖИВОТНЫХ, ЗАПИСАННЫХ В СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Аннотация. В статье на основе анализа исследовательской литературы, а также сравнительно-сопоставительного метода и культурологического комментирования осуществляется анализ сказок о животных, записанных в XIX (сборник А. Н. Афанасьева, 44 текста) и XX («Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: Волшебные. О животных», 13 текстов) веках, раскрываются особенности создания в рассмотренных произведениях образа лисы. Анализируются 45 сюжетов, с которыми связан данный персонаж, выявляются 9 наиболее устойчивых из них, сохранившихся в сказках русских переселенцев в Сибирь и на Дальний Восток: 15; 158+1+2+3+4; 155; 20А+21; 170+158; 103; 1+130; 61А; 61В. В русских сказках о животных, записанных в Сибири и на Дальнем Востоке, обнаруживаются и очень редкие для восточных славян сюжеты (31; 51А*; 56А; 6), которые также связаны с образом лисы. Характеризуются принципы его создания: 1) имя и обращения к ней других персонажей; 2) характер; 3) речь; 4) характеристика лисы, даваемая другими персонажами; 5) особенности взаимоотношений лисы с дикими и домашними животными, а также с человеком; 6) свойственные лисе действия и поступки; 7) связанные с образом лисы мотивы. Прослеживаются модификации данных принципов в более поздних записях, сделанных в Сибири и на Дальнем Востоке: изменение характера взаимодействия лисы с человеком и некоторыми животными (как дикими, так и домашними); появление нового мотива торговли (в дополнение к таким устойчивым мотивам, связанным с образом лисы, как жадность, обжорство, озорство, притворство, хитрость, смерть лисы через разрывание/разрушение). Помимо нетипичного мотива среди регионального компонента в записях XX в. отмечается возникновение новых персонажей, взаимодействующих с лисой (груздь, сорока, козёл), отражение природных черт конкретного региона. Доказывается хорошая сохранность в текстах переселенцев обнаруженного в записях XIX в. комплекса архаических представлений о лисе, характерного для традиционной картины мира восточных славян: лиса как демон; лиса как женская ипостась; лиса как отрицательный и положительный образ (трикстер). Утрата в текстах XX в. древнего представления о связи образа лисы с огнём, вероятно, обусловлена частыми наблюдениями за повадками конкретных животных, влиянием бытовых реалий.

Ключевые слова: образ лисы; русский фольклор; сказки; сказки о животных; сюжет; архаические представления; трикстер; Сибирь; Дальний Восток; национальная картина мира

© Киселева М. С., 2024

© Kiseleva M. S., 2024

КИСЕЛЕВА Мария Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка и литературы Восточного института – Школы региональных и международных исследований, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия. ORCID: 0000-0003-2846-570X. E-mail: kiseleva.ms@dvfu.ru

KISELEVA Maria Sergeevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Chair of Russian Language and Literature of the Institute of Oriental Studies – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia. ORCID: 0000-0003-2846-570X. E-mail: kiseleva.ms@dvfu.ru

КОЗАЧЁК Алена Владимировна – бакалавр, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия. E-mail: kezek@yandex.ru

KOZACHEK Alyona Vladimirovna – bachelor, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia. E-mail: kezek@yandex.ru

Для цитирования: Киселева М. С. Козачёк А. В. Принципы создания образа лисы в русских сказках о животных, записанных в Сибири и на Дальнем Востоке. Эпосоведение. 2024, № 1. С. 84–92. DOI: 10.25587/2782-4861-2024-1-84-92

M. S. Kiseleva, A. V. Kozachek

Far Eastern Federal University

Principles of creating the image of a fox in Russian fairy tales about animals recorded in Siberia and the Far East

Abstract. The article, based on an analysis of research literature, as well as a comparative method and cultural commentary, analyzes fairy tales about animals recorded in the 19th (collection of A. N. Afanasyev, 44 texts) and 20th (“Russian fairy tales of Siberia and the Far East: Magic. About Animals”, 13 texts) centuries, reveals the features of the creation of the image of a fox in the considered works. 45 plots with which this character is associated are analyzed, 9 of the most stable of them, preserved in the tales of Russian settlers to Siberia and the Far East, are identified: 15; 158+1+2+3+4; 155; 20A+21; 170+158; 103; 1+130; 61A; 61B, also in Russian fairy tales about animals, recorded in Siberia and the Far East, very rare plots for the Eastern Slavs are found: 31; 51A*; 56A; 6, which are also associated with the image of a fox. The principles of creating the image of a fox are characterized: 1) the name and addresses of other characters to her; 2) character; 3) speech; 4) characterization of the fox given by other characters; 5) features of the relationship between the fox and wild and domestic animals, as well as with humans; 6) actions and actions characteristic of a fox; 7) motives associated with the image of a fox. Modifications of these principles can be traced in later records made in Siberia and the Far East: a change in the nature of the interaction of the fox with humans and some animals (both wild and domestic); the emergence of a new motive for trade (in addition to such stable motives associated with the image of the fox as greed, gluttony, mischief, pretense, cunning, death of the fox through tearing/cutting). In addition to the atypical motif among the regional components in the records of the 20th century. The emergence of new characters interacting with the fox (milk mushroom, magpie, goat), a reflection of the natural features of a particular region, is noted. The good preservation in the texts of the settlers of what was discovered in the records of the 19th century is proven. a complex of archaic ideas about the fox, characteristic of the traditional picture of the world of the Eastern Slavs: the fox as a demon; fox as a female hypostasis; fox as a negative and positive image (trickster). Loss in 20th century texts The ancient idea of the connection between the image of a fox and fire is probably due to frequent observations of the habits of specific animals and the influence of everyday realities.

Key words: image of a fox; Russian folklore; fairy tales; tales about animals; plot; archaic ideas; trickster; Siberia; Far East; national picture of the world

For citation: Kiseleva M. S., Kozachok A. V. Principles of creating the image of a fox in Russian fairy tales about animals recorded in Siberia and the Far East. Epic studies. 2024, no. 1. Pp. 84–92. DOI: 10.25587/2782-4861-2024-1-84-92

Введение

Образ лисы играет важную роль в русской культуре, часто встречается в сказках, загадках, пословицах, поговорках и других жанрах традиционного фольклора. Лиса, пожалуй, один из самых противоречивых героев, представления о котором занимают важное место в национальной картине мира.

Данная работа ставит перед собой цель выявить принципы создания образа лисы в русских сказках о животных, записанных в Сибири и на Дальнем Востоке в XX в., а также охарактеризовать сходства и различия в образе лисы в текстах XIX и XX вв. В исследовании проанализированы сказки XIX в. из сборника А. Н. Афанасьева (44 текста) [1] и сказки, собранные в Сибири и на Дальнем Востоке в XX в. (13 текстов) [2]. Всего изучено 57 сказок.

Новизна работы состоит в выявлении принципов создания образа лисы в поздних записях русских сказок о животных (вторая половина XX в.), характеристике устойчивости комплекса связанных с ним архаических представлений и выявлении регионального компонента.

Принципы создания образа лисы в сказках XIX в.

В сборнике А. Н. Афанасьева мы встречаем 44 текста сказок о животных, в которых лиса является главным или второстепенным персонажем: «Лисичка-сестричка и волк» (СУС [3]: 2+3+4), (СУС: 2), (СУС: 1+2+158), (СУС: 158+2+21), (СУС: 1+2+3+4+43+30+170+61А), (СУС: 15+2+3+158), (СУС: 1+2+3+21) – 7 вариантов; «За лапоток – курочку, за курочку – гусочку» (СУС: 170+158) – 1 вариант; «Лиса-повитуха» (СУС: 15), (СУС: 43+15+1+2), (СУС: 43+15) – 5 вариантов; «Лиса, заяц и петух» (СУС: 43) – 1 вариант; «Лиса-исповедница» (СУС: 61А), (СУС: 106*+61А) – 3 варианта; «Лиса-лекарка» (СУС: 1889К+218В*+37) – 1 вариант; «Лиса-плачя» (СУС: 37), (СУС: 218В*+1889К+37+154) – 2 варианта; «Мужик, медведь и лиса» (СУС: 1030+154), (СУС: 122Р**+154+68В) – 4 варианта; «Старая хлеб-соль забывается» (СУС: 155) – 1 вариант; «Овца, лиса и волк» (СУС: 44*) – 1 вариант; «Звери в яме» (СУС: 20А+21+248А*), (СУС: 20А+21) – 2 варианта; «Лиса и тетерев» (СУС: 62) – 1 вариант; «Лиса и дятел» (СУС: 56В) – 1 вариант; «Лиса и журавль» (СУС: 60) – 1 вариант; «Снегурушка и лиса» (СУС: 703*) – 1 вариант; «Лиса и рак» (СУС: 275) – 1 вариант; «Колобок» (СУС: 2025) – 1 вариант; «Кот, петух и лиса» (СУС: 61В) – 3 варианта; «Кот и лиса» (СУС: 103+103А), (СУС: 103+103*), (СУС: 103) – 4 варианта; «Напуганные медведь и волки» (СУС: 103+125) – 1 вариант; «Медведь, лиса, слепень и мужик» (СУС: 152) – 1 вариант; «Зимовье зверей» (СУС: 130+130А) – 1 вариант.

В текстах XIX в. образ лисы создаётся с помощью следующих приёмов: лиса наделяется женской символикой, именно через женский образ в культуру транслируется возможность заменить силу умом, хитростью и изворотливостью [4, с. 2]; лису можно соотнести с женскими образами, превосходящими «<...> мужчин своей премудростью» [5, с. 25]. Характеристику образа лисы, когда встреченные герои нередко подчёркивают её хитрость, также дополняют упоминания её рыжего цвета шерсти [6, с. 647], так, в сказке «Лиса-исповедница» (СУС: 106*+61А) [1, с. 29–31] на цвет указывают слова петуха «жёлтая княгиня». И конечно, рыжий цвет даёт отсылку на связь образа лисы с огненной символикой: например, в сказке «Лисичка-сестричка и волк» (СУС: 1+2+158) [1, с. 17–19] лисица просит бабу поделиться огнём: «Добрый день тобі, бабусю! Дай мені огня». Примечательно, что лисица является единственным диким животным, не боящимся огня.

Следует отметить красноречие лисицы, которое она умело применяет в диалогах для достижения своих целей, и сладкоречивость, которая позволяет ей манипулировать другими персонажами. Так, например, в сказке «Лиса-исповедница» (СУС: 61А) [1, с. 27–28] мы видим следующее обращение: ««Здравствуй, Петенька!», «Я тебе, Петенька, добра хочу – на истинный путь наставить и разуму научить» [1, с. 28]. Сладкоголосость лисы можно заметить в сказке «Кот, петух и лиса» (СУС: 61В) [1, с. 49–51], когда лисица выманивает петушка из дома: «Кочетунюшка, кочетунюшка! Пойдем на гуменцы золоты яблочки катать». Лексика лисицы, наполненная уменьшительно-ласкательными словами, располагает жертву к доверию.

В текстах сказок XIX в. лиса также предстаёт самовлюблённой, наглой, хитрой, уверенной в своей силе. Самолюбие её особенно просматривается в сюжетах (СУС [3]: 2+3+4), (СУС: 2), (СУС: 1+2+158), (СУС: 158+2+21), (СУС: 1+2+3+4+43+30+170+61А), (СУС: 15+2+3+158), (СУС: 1+2+3+21), где лиса взаимодействует с волком. Во многих вариантах сказки «Лисичка-сестричка и волк» мы можем наблюдать сцены, в которых избитый или искалеченный из-за лисы волк везёт её на санях, при этом она глумится и приговаривает: «Битый небитую везёт». В подобных эпизодах отчётливо видно, что дружба ей чужда, а временные приятельские отношения нужны для личной выгоды.

Отметим также имя лисы и обращения к ней зверей, помогающие охарактеризовать данный образ. Так, в сказке «Лиса-повитуха» (СУС: 43+15) [1, с. 24–25] хитрость лисицы подчёркивается за счёт упоминания имени Патрикеевна, как известно, имя Патрикей ассоциируется с обманом и коварством [7]. Часто в текстах волк или медведь называют лису «кума», «кумушка», «лисичка-сестричка», «лисонька», подобные обращения говорят о том, что лиса находится

в приятельских отношениях с животными, что разрешает ей пользоваться их доверием и манипулировать ими.

При этом у лисы разные взаимоотношения с персонажами сказок о животных, следовательно, и в сюжетах, в которых она взаимодействует с домашними, дикими животными и людьми, лиса характеризуется по-разному. Так, петух может доверять ей и стать жертвой, как в сказке «Кот, петух и лиса» (СУС: 61В) [1, с. 49–51], или наоборот может обмануть её, как в «Лисе-исповеднице» (СУС: 61А) [1, с. 27–29]. Интересные взаимоотношения у лисы складываются с котом: являясь плутами по своей натуре [8, с. 637–640], но принадлежащие к дикому и домашнему мирам, кот и лиса могут быть союзниками и образовывать пару, как в сказке «Кот и лиса» (СУС: 103+103А), (СУС: 103+103*), (СУС: 103) [1, с. 51–55], или же лиса может стать жертвой кота, как в тексте «Кот, петух и лиса» (СУС: 61В) [1, с. 49–51]. Отметим, что лиса в сказках находится в постоянной оппозиции с собаками [9, с. 94–95], в таких текстах, как «Лиса-плачя» (СУС: 218В*+1889К+37+154) [1, с. 33–34], «Мужик, медведь и лиса» (СУС: 1030+154), (СУС: 122Р**+154+68В) [1, с. 34–38], «Звери в яме» (СУС: 20А+21+248А*) [1, с. 77–78], лиса не способна противостоять им. При взаимодействии с дикими животными самые неоднозначные отношения у лисы складываются с волком, в некоторых сюжетах он может угодить в капкан, доверившись лисе, как в сказке «Овца, лиса и волк» (СУС: 44*) [1, с. 40], или может обмануть её, как в одном из вариантов сказки «Лисичка-сестричка и волк» (СУС: 158+2+21) [1, с. 19–20], съев бычка и сломав сани лисы. Она может встретить небольшого, но достойного соперника – рака: «Лиса и рак» (СУС: 275) [1, с. 46], который выиграет состязание в беге с лисой. Иногда лиса способна съесть несколько диких животных, даже превосходящих её в размерах, как в сказке «Звери в яме» (СУС: 20А+21), (СУС: 20А+21+248А*), [1, с. 41–43], где она по очереди подводит к смерти зайца, белку, свинью, волка, борова, медведя. Непростые отношения у лисы складываются и с людьми. Иногда она становится человеку помощницей, так, в сказке «Снегурушка и лиса» (СУС: 703*) [1, с. 40] лисица помогает заблудившейся Снегурушке найти дом. В других сказках «Старая хлеб-соль забывается» (СУС: 155) [1, с. 39–40] и «Мужик, медведь и лиса» (СУС: 122Р**+154+68В) [1, с. 37–38] лиса гибнет от людей. И даже способна съесть человека, как в сказке «Лиса-лекарка» (СУС: 1889К+218В*+37) [1, с. 31–32], в этом тексте она пожирает мёртвую старуху, или может покуситься на младенца, как в тексте «Лисичка-сестричка и волк» (СУС: 1+2+3+4+43+30+170+61А) [1, с. 11–13].

Сказки о животных, в которых присутствует лиса, имеют свои характерные мотивы, связанные с её образом: жадность, обжорство, озорство, притворство. Устойчивый мотив обмана присутствует в каждом тексте. Образ лисы в текстах также связан с мотивом смерти: она постоянно пытается кого-нибудь убить и съесть, довести до смерти. При этом смерть самой лисицы практически всегда предстаёт в жестокой форме: её разрывают на куски собаки (СУС: 218В*+1889К+37+154), «Лиса-плачя» [1, с. 33–34]; петух разрубает на части косою (СУС: 43), «Лиса, заяц и петух» [1, с. 26–27], – такой характер смерти, расчленения, разъединения, возможно, отражает соотносённость образа лисы с нечёткой, неконкретной природой хаоса. Заметим, что восточные славяне воспринимали дикий (животный) мир как что-то чужое, хаотичное, непонятное, а домашние животные для людей становились частью «прирученного» хаоса – мира порядка. Именно в «неприрученном» мире хаоса лиса чувствует себя на своём месте, но в то же время её принадлежность к диким животным не мешает убивать и съедать их, или же участвовать в гибели косвенно.

Таким образом, в текстах XIX в. мы можем выделить следующие центральные приёмы создания образа лисы: обращения к лисе и её речевая характеристика; взаимоотношения с дикими и домашними животными, с человеком; характер лисы; действия лисы и связанные с ними (напрямую или косвенно) мотивы обмана, обжорства, предательства, хитрости, мести, смерти через разрывание. Образ лисы в рассмотренных текстах противоречив, отчетливо соотносится с таким универсальным для многих культур героем, как трикстер, способным одновременно

представать в образе творца и разрушителя, дающего и отвергающего [10]. По классификации, предложенной Ю. Е. Берёзкиным, лису в рассмотренных текстах можно отнести к «чужому» (связана со стихией огня, принадлежит к миру диких животных) и «сильному» (хищница) трикстеру [11, с. 98].

Познакомившись с характеристиками образа лисы в сказках из сборника А. Н. Афанасьева и изучив статью А. В. Гурь о народных представлениях [12], мы можем выделить следующие архаические элементы традиционной картины мира, которые сохраняет образ этого животного: лиса как демон; лиса как персонификация огня; лиса как женская ипостась; лиса как отрицательный и положительный образ.

Демоническая сущность лисы проявляется в постоянных поисках жертвы, во многих сюжетах лисица или напрямую связана с гибелью животных, или косвенно – со смертью человека. Поскольку в традиционной культуре смерть воспринималась как переход в потусторонний мир, здесь мы видим реализацию древнего представления о лисе как о проводнике между миром живых и мёртвых. Упоминания красного цвета шерсти, который является цветом жизни, солнца, плодородия, здоровья, но в то же время – гибельного пламени [6, с. 647], позволяет нам сделать заключение о сохранности народных представлений о лисе как животном, наделённом огненной символикой. Также часто в текстах мы замечаем подчёркивание женской натуры лисы: способность манипулировать животными, наделёнными мужской символикой; способность образовывать брачный союз; её речь и хитрость. В рассмотренных сказках образ лисы наделён и положительными характеристиками, и отрицательными, является воплощением такого универсального героя, как трикстер, но совокупность характеристик делает лису больше отрицательным персонажем.

Принципы создания образа лисы в сказках XX в.

В сборнике «Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: Волшебные. О животных» представлено 13 сказок о лисе: «Лиса и кот» (СУС: 1+103), «Медведь и лиса» (СУС: 6), «Лиса-повитуха» (СУС: 15), «Котушка и лиса» (СУС: 20А+21), «Лиса и козёл» (СУС: 31), «Лиса, волк и медведь» (СУС: 51А*), «Груздь, лиса и сорока» (СУС: 56А), «Лиса и Петя-петух» (СУС: 61А), «Кот да петушок» (СУС: 61В), «Кот и лиса» (СУС: 103), «Волк и лиса» (СУС: 155), «Про лису и волка» (СУС: 158+1+2+3+4), «О лисе» (СУС: 170+158). Каждая сказка представлена в одном варианте. Принципы характеристики образа лисы во многом совпадают с теми, которые мы наблюдали в текстах XIX в.

Так, в сказках XX в. голос лисицы так же, как и в более ранних текстах, является инструментом для манипуляции другими персонажами: в сказках «Медведь и лиса» (СУС: 6) [2, с. 240–241], «Кот да Петушок» (СУС: 61В) [2, с. 245–248] сладкоречивость лисы позволяет ей добиться желаемого, а в другом тексте, например, «Лиса и козёл» (СУС: 31) [2, с. 243–244], характер звучания голоса, который меняется при достижении желаемого, переходит от ласкового в начале до грубого в конце. В сказках XX в. голос лисы может стать грубым, что, возможно, или является указанием на её опасность для других персонажей, или отражает суровость окружающей среды.

В текстах сказок, записанных в Сибири и на Дальнем Востоке, лиса всё так же предстаёт в образе самолюбивого, хитрого и изворотливого персонажа. Самоуверенность связана с тем, что она часто остаётся безнаказанной (хотя наказание как черта региональной сказки в других текстах XX в. присутствует [13, с. 32]); у неё нет морали, отсутствуют понятия «хорошо» и «плохо». Так, в сказках «Котушка и лиса» (СУС: 20А+21) [2, с. 242–243], «Груздь, лиса и сорока» (СУС: 56А) [2, с. 244–245] лиса поедает маленьких и беззащитных. Или в тексте «Волк и лиса» (СУС: 155) [2, с. 257–258] она подсказывает мужику, как и чем убить её товарища волка: «Вот вежа стоит, убей его» [2, с. 258]. Но стоит отметить, что лисица также очень осторожна, и, когда понимает, что с грубой звериной силой совладать она не может – отступает, как, например, в сказке «О лисе» (СУС: 170+158) [2, с. 263–265]. Можно добавить, что и в текстах XX в.

прагматичная и самоуверенная лиса не всегда может рассчитать силы, когда сталкивается с котом и петухом, как в сказках «Лиса и кот» (СУС: 1+103) [2, с. 240], «Лиса и Петя-петух» (СУС: 61А) [2, с. 245]. Таким образом, мы можем заключить, что характеристики поведения лисы в записях XX и XIX вв. схожи.

В сибирских и дальневосточных сказках мы снова видим, что те же персонажи, лесные звери, называют лису «лисичка-сестричка», «кума», «лисонька». Такие обращения, видимо, связаны с тем, что лиса тоже является представителем дикого мира – она им близка, они ей доверяют, не ожидают подвоха. Интересно, что и козёл в сказке «Лиса и козёл» (СУС: 31) [2, с. 243–244] тоже обращается к ней «лисонька», возможно, козёл, являясь хтоническим животным, который, как и лиса, наделён демонической сущностью [14, с. 522–524], не видит в ней опасности. Заметим, что в сказках XX в. теряется имя Патрикеевна, возможно, сам образ лисы становится олицетворением хитрости, а упоминание имени собственного кажется излишним.

Сталкиваясь с домашними животными, лиса может образовывать крепкий союз с котом «Кот и лиса» (СУС: 103) [2, с. 251–252]; может взаимодействовать с козлом, не принося ему вред (СУС: 31) [2, с. 243–244]; может быть смертельно опасной, как в тексте «О лисе» (СУС: 170+158) [2, с. 263–265]. Взаимодействие лисы с дикими животными тоже складывается по-разному, она может быть обманута, как в тексте «Лиса, волк и медведь» (СУС: 51А*) [2, с. 244], она может их съесть, как в сказке «Котушка и лиса» (СУС: 20А+21) [2, с. 242–243]. Также в сборнике мы встречаем один особенный текст «О лисе» (СУС: 170+158) [2, с. 263–265], в котором волк убивает лису, что является нетипичным сюжетом для записей XIX в.: возможно, реальность окружающей тайги наглядно показала человеку, что волк способен убить лису, а это в свою очередь отразилось в сюжете. Есть в сборнике три сказки: «Волк и лиса», «Про лису и волка» и «О лисе», где она сталкивается с людьми, при этом не представляет для них смертельной опасности, в то время как в текстах XIX в. человек для неё уязвим.

Образ лисы, как и в записях XIX в., связан с мотивами смерти: «Груздь, лиса и сорока» (СУС: 56А) [2, с. 244–245], «Медведь и лиса» (СУС: 6) [2, с. 240–241] «Волк и лиса» (СУС: 155) [2, с. 257–258]; притворства: «Лиса и козёл» (СУС: 31) [2, с. 243–244]; мести: «Про лису и волка» (СУС: 158+1+2+3+4) [2, с. 258–260]; озорства: «Медведь и лиса» (СУС: 6) [2, с. 240–241]; обжорства: «Котушка и лиса» (СУС: 20А+21) [2, с. 242–243]. При этом мы замечаем, что и в сказках данного сборника лису убивают, разрывая на части: «О лисе» (СУС: 170+158) [2, с. 263–265], «Кот да Петушок» (СУС: 61В) [2, с. 245–248] – опять наблюдается соотношение образа лисы с миром хаоса. Мотив хитрости присутствует в каждой сказке, т. е. соотношение действий лисы с трикстерской моделью поведения сохраняется, да и сам тип трикстера («чужой» и «сильный») остаётся прежним, хотя и можно говорить о тенденции к восприятию героини как менее чуждой.

В сказках из сборника XX в. можно выделить следующие восточнославянские архаичные представления, которые сохранились в текстах и соотносятся с образом лисы: лиса – животное с демонической сущностью; лиса – животное, наделённое женской символикой; лиса – и отрицательный, и положительный образ. Ни в одной из сказок сборника мы не наблюдаем связь лисы с огнём, возможно, это связано с тем, что образ лисы становится ближе к реальности, и человек не находит доказательств данной связи.

Сравнивая сюжеты сказок о животных XIX и XX вв., мы замечаем некоторые различия: в более ранних записях лиса страдает от собак в девяти текстах, в то время как в сибирских и дальневосточных вариантах – ни в одном; лисица в сказках XX в. одинаково представляет опасность как для мелких, так и для крупных животных, в то время как в сказках XIX в. наибольшую опасность она несёт для мелких зверей; в текстах XIX в. лисица может съесть человека и в целом является очень опасным для него зверем, а в текстах XX в. способна только на кражу или обман и не представляет существенной опасности для людей; в сборнике сказок, записанных в Сибири и на Дальнем Востоке, мы не обнаружили связь лисы с огнём. Примечательно, что

в сказках XX в. от обмана лисы чаще страдает медведь, а в сборнике А. Н. Афанасьева – волк, возможно, это связано с тем, что в дальневосточной и сибирской части России преобладают медведи, а в средней полосе – волки. Заметим, что в обоих сборниках одинаково представлена смерть лисы – её разрубает или раздирают на куски, а кот и петух остаются для лисицы опасными животными.

При анализе сказок, записанных в XIX и XX в., мы обнаруживаем, что самыми устойчивыми являются сюжеты: (СУС: 15), (СУС: 158+1+2+3+4), (СУС: 155), (СУС: 20А+21), (СУС: 170+158), (СУС: 103), (СУС: 1+103), (СУС: 61А), (СУС: 61В). Именно они запомнились больше всего и «перекочевали» вместе с русским народом в Сибирь и на Дальний Восток. Также наблюдается присутствие редких для восточных славян сюжетов [2, с. 295]: (СУС: 56А), (СУС: 51А*), (СУС: 31), (СУС: 6), также связанных с образом лисы.

В некоторых сказках из сборника Сибири и Дальнего Востока мы видим влияние быта и окружающей среды на изображение деталей сюжетов или персонажей, так, например, в тексте «Медведь и лиса» (СУС: 6) [2, с. 240–241] лисица взаимодействует с медведем, который поймал тетерева, в аналогичной восточнославянской сказке присутствует волк, вероятно, медведь здесь – региональная особенность. В другой сказке «Кот да Петушок» (СУС: 61В) [2, с. 245–248] кот убивает лисицу и её четверых лисят, а шкуры продаёт, здесь видим мотив торговли, также в данном тексте и в сказке «Про лису и волка» (СУС: 158+1+2+3+4) [2, с. 258–260] мы находим отображение сибирской или дальневосточной гористой местности в обращении лисы к пастухам: «Смотрите, не ломайте пирожок, пока я за каменную гору не заведу бычка, да ломайте через голову» [2, с. 258], и в обращении петушка к коту: «Кот, кот, меня лиса несет за темные леса, за высокие горы, за круглые озера и за быстрые реки». В следующем тексте «Волк и лиса» (СУС: 155) [2, с. 257–258] лиса обманом заставляет волка залезть в мешок к мужику, который по совету лисы расправляется с волком, а затем продаёт его шкуру. В данном сюжете и в сюжете предыдущей сказки снова наблюдается мотив торговли шкурами, который отражает специфику Дальневосточного и Сибирского регионов и не встречается в аналогичных сюжетах более ранних записей. К тому же здесь мы находим упоминание слова «заимка», означающего однодворное поселение в Сибири [15]. Иногда появление нового персонажа в сказке выступает региональным отличием, как, например, в тексте «Груздь, лиса и сорока» (СУС: 56А) [2, с. 244–245], где лиса выманивает у груздья его детей и поедает их, так, груздь – типичный представитель дальневосточной флоры. Ни в одном из текстов дальневосточных и сибирских сказок лиса не гибнет при встрече с человеком или при взаимодействии с собаками, наблюдаем ослабление мотива смерти.

Заключение

Таким образом, в русских сказках о животных, записанных в Сибири и на Дальнем Востоке в XX в., сохранились основные приёмы создания образа лисы, однако часть из них подверглась изменениям. Так, другим можно назвать характер взаимодействия лисы с человеком, некоторыми животными (как дикими, так и домашними). Сохраняются все мотивы, связанные с образом лисы и характерные для текстов XIX в., а также появляется новый мотив (торговля), что можно рассматривать в качестве региональной особенности. В записях XX в. сохраняются следующие архаические представления, связанные с образом лисы: лиса – животное с демонической сущностью, лиса – женская ипостась, лиса – отрицательный и положительный образ (трикстер). Отсутствие древнего восприятия лисы как олицетворения огня можно также отнести к региональным особенностям и объяснить влиянием наблюдений за повадками конкретных животных. Также в записях XX в. мы отмечаем сохранность редких сюжетов: 31; 51А*; 56А; 6. Возможно, такая устойчивость обусловлена иноэтничным окружением, когда собственная традиция хранилась особенно бережно. Ещё одной отличительной чертой текстов XX в. является включение конкретных природных описаний, новых персонажей, взаимодействующих с лисой. Записи XX в. становятся ближе к жизни, в них всё меньше становится нереального,

и сами сказки чаще отражают действительность территории своего бытования. Однако в русской картине мира лиса остаётся важным образом, о чём свидетельствует устойчивость его характеристик и связанных с ним сюжетов.

Литература

1. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. Т. 1 / под редакцией Л. Г. Барага, Н. В. Новикова. – Москва : Наука, 1984. – 511 с.
2. Матвеева, Р. П., Леонова, Т. Г. Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: Волшебные. О животных. – Новосибирск : Наука, 1993. – 352 с.
3. Сравнительный указатель сюжетов: восточнославянская сказка / составители : Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. – Ленинград : Наука, 1979. – 437 с.
4. Александрова, Е. А. Изучение традиционной этнической культуры через семиотический анализ сказочных персонажей (образ лисы в русской и китайской традициях) // Теоретическая культурология. – 2011. – Вып. 1 (19). – С. 1–5.
5. Краюшкина, Т. В. Мотивы состояний персонажей в русских народных волшебных сказках: системный анализ : диссертация на соискание научной степени доктора филологических наук. – Владивосток, 2010. – 493 с.
6. Белова, О. В. Красный цвет // Славянские древности: этнолингвистический словарь. Т. 2 / под редакцией Н. И. Толстого. – Москва : Международные отношения, 1999. – С. 647–650.
7. Лиса Патрикеевна // Толково-фразеологический словарь Михельсона. [Электронный ресурс]. URL: <https://rus-michelson-tolk-dict.slovaronline.com/4871-лиса%20Патрикеевна> (дата обращения : 12.11.2021).
8. Гура, А. В. Кошка // Славянские древности: этнолингвистический словарь. Т. 2 / под редакцией Н. И. Толстого. – Москва : Международные отношения, 1999. – С. 637–640.
9. Гура, А. В. Собака // Славянские древности: этнолингвистический словарь. Т. 5 / под редакцией Н. И. Толстого. – Москва : Международные отношения, 2012. – С. 94–95.
10. Радин, П. Трикстер. Исследования мифов североамериканских индейцев с комментариями К. Г. Юнга и К. К. Кереньи. – Санкт-Петербург : Евразия, 1998. – 288 с.
11. Берёзкин, Ю. Е. Трикстер как серия эпизодов // Труды факультета этнологии. – Санкт-Петербург : ИДПО, 2003. – С. 97–164.
12. Гура, А. В. Лисица // Славянские древности: этнолингвистический словарь. Т. 3 / под редакцией Н. И. Толстого. – Москва : Международные отношения, 2004. – С. 114–115.
13. Краюшкина, Т. В. Семейные отношения в свете православной традиции (на материале русских народных сказок) // Религиоведение. – 2003. – № 1. – С. 26–33.
14. Белова, О. В. Коза, козёл // Славянские древности: этнолингвистический словарь. Т. 2 / под редакцией Н. И. Толстого. – Москва : Международные отношения, 1999. – С. 522–524.
15. Заимка // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – Санкт-Петербург, 1890–1907. [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/638635> (дата обращения : 12.11.2021).

References

1. Russian folk tales by A. N. Afanasyev: in 3 volumes. V. 1. Edited by L. G. Baraga, N. V. Novikov. Moscow, Nauka Publ., 1984, 511 p. (In Russ.)
2. Matveeva, R. P., Leonova, T. G. Russian fairy tales of Siberia and the Far East: Magic. About animals. Novosibirsk, Nauka Publ., 1993, 352 p. (In Russ.)
3. Comparative index of plots: East Slavic fairy tale. Compilers: L. G. Barag, I. P. Berezovsky, K. P. Kabashnikov, N. V. Novikov. Leningrad, Nauka Publ., 1979, 437 p. (In Russ.)
4. Aleksandrova, E. A. Study of traditional ethnic culture through semiotic analysis of fairy-tale characters (the image of a fox in Russian and Chinese traditions). *Theoretical Culturology*. 2011, Iss. 1 (19), pp. 1–5. (In Russ.)
5. Krayushkina, T. V. Motives for the states of characters in Russian folk fairy tales: system analysis: dissertation thesis for the degree of Doctor of Philological Sciences. Vladivostok, 2010, 493 p. (In Russ.)
6. Belova, O. V. Red color. In: Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary. V. 2. Edited by N. I. Tolstoy. Moscow, International Relations Publ., 1999, pp. 647–650. (In Russ.)

7. Lisa Patrikeevna. In: Mikhelson's explanatory phraseological dictionary. [Web resource]. URL: <https://rus-michelson-tolk-dict.slovaronline.com/4871-лиса%20Патрикеевна> (accessed November 11, 2021).
8. Gura, A. V. Cat. In: Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary. V. 2. Edited by N. I. Tolstoy. Moscow, International Relations Publ., 1999, pp. 637–640. (In Russ.)
9. Gura, A. V. Dog. In: Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary. V. 5. Edited by N. I. Tolstoy. Moscow, International Relations Publ., 2012, pp. 94–95. (In Russ.)
10. Radin, P. Trickster. Studies of the myths of North American Indians with comments by C. G. Jung and K. K. Kerenyi. Saint Petersburg, Eurasia Publ., 1998, 288 p. (In Russ.)
11. Berezkin, Yu. E. Trickster as a series of episodes. In: Proceedings of the Faculty of Ethnology. St. Petersburg, IDPO Publ., 2003, pp. 97–164. (In Russ.)
12. Gura, A. V. Fox. In: Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary. V. 3. Edited by N. I. Tolstoy. Moscow, International Relations Publ., 2004, pp. 114–115. (In Russ.)
13. Krayushkina, T. V. Family relationships in the light of the Orthodox tradition (based on Russian folk tales). *Religious Studies*. 2003, Iss.1, pp. 26–33. (In Russ.)
14. Belova, O. V. Goat. In: Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary. V. 2. Edited by N. I. Tolstoy. Moscow, International Relations Publ., 1999, pp. 522–524. (In Russ.)
15. Zaimka. In: Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron. Saint Petersburg, 1890–1907. [Web resource]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/638635> (accessed November 12, 2021).